

**Уберите ваше дерьмо в Бонне, а мы
уберем наш дом в Панкове!**

К годовщине рабочего восстания в ГДР 17 июня 1953 г.

Бернд Герке

2003

Оглавление

Общая картина восстания	4
Социальный характер	5
Несостоятельность «теории стадий»	6
Чего же на самом деле хотели восставшие?	9
Единство делает сильным!	11

К 50-й годовщине этого события было выпущено множество книжек; ему было посвящено более 200 мероприятий. В речах политиков и статьях 17 июня было объявлено частью свободолобивой традиции ныне единого немецкого народа. Берлинской республике требуется свободолобивые традиции, с которыми она могла бы уверенно взирать на мир, а при необходимости – и маршировать.

Германия как свободолобивая нация была отныне принята Западом как целое. Но все это только для внешнего употребления, внутри же свободолобивая нация требуется как идеологическое прикрытие для общества, все более и более поляризованного неолиберализмом.

Инсценирование прогрессивных традиций власть имущими лживо и отвратительно. Это не ново, и это не особенность ФРГ. Во Франции штурм Бастилии празднуется не только левыми, эту годовщину ежегодно отмечает само государство. Ле Пен и правые радикалы тоже празднично украшают себя триколором. В ГДР каждый год миллионам людей приходилось дефилировать в позорных процессиях перед политбюрократией 1 мая или в годовщину гибели Карла и Розы. Но должно ли присвоение исторических событий инсценировками правящих классов и клик побудить левых отречься от этих событий и не противопоставлять противникам свои собственные идеи?

Ответ на этот вопрос не прост. В конечном счете, он зависит не только от характера самого исторического события, но и от его значения для собственной борьбы и, тем самым, от политического характера тех, кто к нему обращается. Московские «коммунисты» и их сторонники всегда истолковывали 17 июня иначе, чем большинство социал-демократов, социалистов, титоистов, троцкистов или анархистов. Они и сейчас делают то же, и многим их бывшим приверженцам тяжело отказаться от раз и навсегда сложившихся образов событий. На собрании Объединения немецких профсоюзов на бывшей берлинской Сталин-аллее одному из выступавших, который обличал подавление рабочих советскими танками, старый «коммунистический» демонстрант из среды СЕПГ/ГКП гневно бросил: «У вас тоже были запреты на профессию!». СДПГ, в свою очередь, направила на собрание правящего бургомистра Берлина, который проклинал угнетение рабочих на Востоке, на дело решительного осуществления программы «Агенда 2010» (которая предусматривала меры по демонтажу социальных гарантий, – перевод.). Вот так на этом собрании, как во времена холодной войны, снова столкнулись изолгавшиеся отряды сталинизма и правых из СДПГ как две части левого кабинета ужасов. Многие левые думают, что они уходят от логики холодной войны, если ссылаются в качестве авторитетов на интеллектуалов из ГДР. Так, в одном из читательских писем в газету профсоюза ver.di «Публик» высказывалась критика в адрес опубликованной ранее статьи, которая, со ссылкой на Вольфганга Леонхардта, представляла 17 июня как революционное рабочее движение. Главным аргументом критика была ссылка на письмо Брехта его издателю, датированное концом июня 1953 г., «которое называют наиболее точным анализом этого дня»^{1*}. Кто именно «называет», остается неизвестным, а отвратительный подхалимаж Брехта перед режимом Ульбрихта автор письма не считает заслуживающим упоминания. К счастью, выяснилось, что существенная часть гер-

¹ См. Письмо Клауса Хуна в «ver.di-Publik». 2003. Nr.7-8. S.6f.

манского профсоюзного движения считает 17 июня днем рабочего и профсоюзного движения. Именно в этот день началась 2 года назад забастовка строителей, а в этом году – забастовка металлистов на Востоке страны. Несмотря на отсутствие или нехватку исторических знаний и опыта у молодого поколения, Июньское восстание пользуется хорошей репутацией именно у рабочих на Востоке и на Западе. Тем более стыдно, когда именно часть организованных левых, даже несталинистских, цепляется за старые интерпретации, хотя теперь, после открытия архивов ГДР, могла бы опереться на новые материалы и знания.

Общая картина восстания

Факты, приводимые в работах, которые были опубликованы в последние годы, на основе документов из архивов ГДР, подтверждают общую картину, данную впервые в кругах академических историков в анализах восстания, предложенных Арнульфом Барингом[2]. *В соответствии с ними, главный отпечаток на восстание наложили промышленные рабочие в старых центрах рабочего движения Средней Германии. Именно они придали ему его динамику и облик. Исходной точкой, мотором и центром событий были крупные предприятия. В противовес картинкам, воспроизводимым в СМИ, которые находились под влиянием сферы обзора западных камер, Берлин начал выступление, но пик и самые радикальные проявления восстания пришлись на промышленный район Средней Германии и Восточную Саксонию. Этими центрами были Магдебург, Галле, Мерзебург, Битерфельд, Вольфен, Лейпциг, Дрезден и Гёрлиц. В Галле, Мерзебурге, Биттерфельде и Гёрлице межзаводские стачечные советы и народные комитеты уже взяли власть в свои руки. В том, что касается участия в забастовке и восстании, старые цитадели КПГ и СДПГ ничем не отличались друг от друга. Движение 17 июня было не только забастовочным движением за экономические и социальные цели. Оно было массовой политической стачкой, которая переросла в настоящее восстание, приведшее к штурму тюрем, учреждений госбезопасности, помещений партии и ССНМ (комсомола, – перевод.) и ратуш. К восстанию примкнули и другие социальные слои, городские лавочники и служащие магазинов. В некоторых деревнях произошли крестьянские восстания, которые были масштабнее, чем было известно ранее². Но эти другие трудящиеся слои, на которые опирается истолкование выступления как «народного восстания», не играли определяющей роли в характере восстания. Церковь не играла заметной роли, за исключением отдельных деревень, точно так же как и представители интеллигенции, которые выражали свое недовольство за закрытыми дверями партийного государства и защищали СЕПГ против рабочего класса^{3*}.*

Во временном и пространственном отношении восстание было шире, чем было известно в научной литературе до открытия архивов ГДР. Только 17 июня бастовало

² См.: Armin Mitter, Stefan Wolle. *Untergang auf Raten. Unbekannte Kapitel der DDR-Geschichte. München, 1993. S. 27ff.*; Heidi Roth. *Der 17. Juni 1953 in Sachsen. Köln, 1999. S. 290ff.*

³ По-прежнему интересное описание отношения представителей интеллигенции и их внутреннего раскола см.: Jürgen Rühle. *Der 17. Juni und die Intellektuellen // 17. Juni 1953. Arbeiteraufstand in der DDR. Köln, 1982. S.178.* Дискуссию и соответствующие документы были опубликованы З. Прокоппом: Siegfried Prokopp. *Intellektuelle im Krisenjahr 1953. Schkeuditz, 2003.*

около 500 тысяч рабочих. Несмотря на объявленное в тот же день чрезвычайное положение и военную оккупацию городов и крупных предприятий, а также арест руководителей забастовки, 18 июня стачка еще больше распространилась. Лишь под угрозой расстрелов и осуществленных военной силой локаутов удалось до 19 июня подавить забастовочное движение в центрах, хотя на некоторых предприятиях оно продолжалось до 22 июня. В период между 12 и 22 июня, согласно новейшим исследованиям, в забастовках, демонстрациях или штурме зданий принимало участие около миллиона человек в 702 городах и общинах⁴. *60 тюрем были взяты штурмом, освобождено 1400 заключенных*⁵. Теперь реконструирован и весь масштаб второй забастовочной волны в июле 1953 года, в которой участвовали такие крупные предприятия, как «Лойна» или «Цейсс». Она была вызвана в особенности арестами стачечного руководства. Наряду с требованиями об освобождении коллег, и теперь преобладали те же самые политические и социально-экономические лозунги, что и в июне^{6*}.

Эти опубликованные и бесспорные факты вступают однако в контраст со все еще распространенным и вновь выдвинутым к 50-летию истолкованием восстания, при котором замалчивается особый вес в нем рабочего класса.

Социальный характер

Под воздействием большого числа участников, количества затронутых мест и известного теперь участия непролетарских слоев, среди историков и публицистов ныне утвердился термин «народное восстание», вместо предпочитавшегося десятилетиями термина «рабочее восстание». Даже социал-демократы сегодня почти не употребляют понятие «рабочее восстание», хотя решающее влияние рабочих на события и их ход никем фактически не оспаривается. Социально-политическая подоплека и политический умысел подобной подмены понятий легко заметен и нацелен на то, чтобы понятийно растворить рабочий класс и его специфические интересы и подчеркнуть, напротив, роль других социальных слоев⁷. *С термином «народное восстание» связано легко уловимое намерение переистолковать в социально-экономическом отношении также цели и требования восстания, то есть интерпретировать в духе прокапиталистической реставрации*⁸. В изложении СМИ подобная практика, впрочем, и так обычна.

Дискуссия о политическом и социальном характере 17 июня тесно связана с выдвинутой Барингом «теории стадий», которая гласит, что на предприятиях вначале было хорошо организованная забастовка трудовых коллективов против повышения норм

⁴ Ilko-Sascha Kowalczyk, Gudrun Weber. 17.6.1953: Volksaufstand in der DDR. Ursachen – Abläufe – Folgen. Berlin, 2003. S.103f.

⁵ Tobias Wunschik. *Der Sturm auf die Haftanstalten und seine Nachwirkungen (доклад на конференции «17. Juni 1953. Volksaufstand in der DDR. Wissenschaftliche Tagung der BstU» Berlin, 11.-13 Juni 2003; неопубликованная рукопись).*

⁶ A.Mitter, S.Wolle. Op.cit; Hubertus Knabe. 17. Juni 1953. Ein deutscher Aufstand. München, 2003. S.267ff.

⁷ I.-S. Kowalczyk. Op.cit. S.19.

⁸ A.Mitter, S.Wolle. Op.cit. S.76.

и за производственные и социальные цели, а позднее, во время уличных демонстраций события ускользнули из-под контроля забастовочных руководителей и перешли во всеобщее, неконтролируемое восстание за свободные выборы и воссоединение Германии. Только теперь восстание превратилось в политическое, что нашло разрядку в погромах, насилии и разрушениях. «Теория стадий» используется несколькими образом и теми, кто сейчас снова носит старый тезис о том, что обоснованное социальное недовольство рабочих только в результате вмешательства Запада, прежде всего, РИАС⁹, превратилось в направляемую политическую контрреволюцию¹⁰. Оба истолкования имеют между собой то общее, что считают общее восстание против диктатуры СЕПГ реставраторским и прокапиталистическим.

Попытка растворить рабочее восстание во всеобщем народном восстании обосновывается, в частности, тем, что к демонстрировавшим рабочим примыкали служащие магазинов, находившихся по пути следования демонстрации, а также домохозяйки и молодежь. При этом остается без внимания тот факт, что домохозяйки и молодежь были прежде всего женами и детьми демонстрировавших рабочих! Так остается неупомянутым, что всеобщее народное восстание на три четверти было восстанием пролетариата ГДР, к которому принадлежат, разумеется, и члены семей. Сама СЕПГ оценивала состав демонстрировавших масс в Лейпциге следующим образом: около 20 тысяч рабочих, 10 тысяч домохозяек, 10 тысяч мелких буржуа и 2-3 тысячи представителей молодежи и детей¹¹. *Цифры арестованных 17 июня и позднее осужденных лиц подтверждают ту же ситуацию. Доля рабочих среди позже осужденных судами лиц в настоящее время оценивается в 88%*¹². Но и другие участники были выходцами из трудящихся слоев или классов. То, что, скажем, масса служащих, например, продавщиц универмагов, сама была частью пролетариата, также оставляется без внимания. Поэтому профсоюзный историк Герхард Байер имеет все основания утверждать, что как по своей социальной структуре, так и по типичному ходу событий, 17 июня было восстанием типа пролетарской революции^{13*}. Преобладающую и определяющую, «руководящую роль» играл пролетариат, в первую очередь, квалифицированные промышленные рабочие крупных предприятий.

Несостоятельность «теории стадий»

Центральным элементом восходящей к Барингу и широко распространенной «теории стадий» служит тезис о том, что произошел переход от социальной стачки рабочих к национальному народному восстанию. Ход событий в регионах, преж-

⁹ РИАС – «Радио Американского сектора» в Западном Берлине (примечание перевод.)

¹⁰ Hans Bentzin. *Was geschah am 17. Juni? Berlin, 2003.* Бентцин был министром культуры ГДР в 1960-х гг. и считает себя «реформатором».

¹¹ Общие приводимые цифры явно занижены, но для оценки социального состава в данном случае это не важно. Впрочем, оценка «нерабочий» давалась по одежде, что в принципе весьма проблематично. См.: Heidi Roth. *Op.cit.* S.132f.

¹² I.-S. Kowalczyk. *Op.cit.* S.250.

¹³ Gerhard Beier. *Wir wollen freie Menschen sein. Der 17. Juni 1953: Bauleute gingen voran.* Köln, 1993. S.15-22.

де всего, в центрах Саксонии-Ангальт и Саксонии, опровергает «теорию стадий»¹⁴. Даже в Берлине забастовка строителей уже вечером 16 июня во время демонстрации перед Домом министерств носила не исключительно социальный характер. Когда утром 17 июня большинство предприятий Восточного Берлина прекратили работу, требования об отставке правительства и свободных выборах на равных фигурировали с требованиями об отмене производственных норм или снижением цен в магазинах. На предприятиях Галле, на «Лойне», «БУНА», в Биттерфельде, Лейпциге, Дрездене политические требования также были выдвинуты уже в начале забастовки утром 17 июня¹⁵. Реконструкция событий на местах позволяет четко определить, чем не было 17 июня: фашистским путчем или знаменитым «днем X», организованным западными агентами или РИАС. Стихийность событий, неодновременность акций на отдельных предприятиях, которая привела к тому, что многие предприятия забастовали только 18 июня, делают такое предположение абсурдным. Подогреваемая некоторыми старыми сталинистами легенда о том, что РИАС якобы 16 июня формулировкой политических требований и требования всеобщей забастовки внес в социальный протест рабочих-строителей контрреволюционные политические требования, которые и привели к восстанию, опровергается хотя бы уже тем, что это восстание началось на некоторых крупных предприятиях параллельно в отделенных друг от друга местах. Так, уже в ночь с 15 на 16 июня требование всеобщей забастовки появилось в Айслебене, а забастовка на местном комбинате Мансфельда началась 16 июня после обеда, одновременно с забастовкой берлинских строителей. На электрохимическом комбинате Биттерфельда, напротив, забастовка развилась уже 15 июня и распространилась 17-го, хотя вначале люди не знали о событиях в Берлине. Поводом здесь, как, впрочем, и во многих других забастовках, послужил не вопрос о нормах, а требование об освобождении ученика, арестованного якобы за «вражескую пропаганду»¹⁶. Еще 12 июня в различных городах происходили собрания перед тюрьмами и судами, в ходе которых члены семей или коллеги по работе пытались продвинуть вперед освобождение родственников и знакомых, перспектива к чему была открыта «новым курсом» СЕПГ¹⁷.

Лозунги восставшего рабочего класса с самого начала представляли собой неразрывное единство социально-экономических и политических требований. Исходной точкой социального конфликта был вопрос о нормах. С введением закона о повышении норм на 100% большая часть работавших на сдельщине потеряла бы до 30% заработка. При растущих ценах в магазинах и отмене широких социальных

¹⁴ См.: Heidi Roth. Op.cit. S.587ff.

¹⁵ Это показывают как исследования Хайди Рот по Саксонии, так и исследования по Саксонии-Ангальт Ангелики Кляйн (Angelika Klein. Die Arbeiterrevolte im Bezirk Halle. Bd.1-3. Potsdam, 1993) и Ханса-Петера Лёна (Hans-Peter Löhn. Spitzbart, Bauch und Brille - sind nicht des Volkes Wille! Der Volksaufstand des 17. Juni 1953 in Halle an der Saale. Bremen, 2003).

¹⁶ Rainer Hildebrandt. Der 17. Juni. Zehn Erlebnisgeschichten von Personen in verschiedenen Brennpunkten des Aufstandes sowie ergänzende dokumentarische Materialien. 4. Aufl. Berlin, 1990 (особенно рассказ о Хорсте Зовада).

¹⁷ В городе Бранденбург уже 12 июня бунт пятерых рабочих, которые пытались освободить своего несправедливо арестованного начальника, за короткое время перерос в выступление с участием от 2 до 5 тысяч человек, что привело к освобождению арестованного. См.: A.Mitter, S.Wolle. Op.cit. S.77.

льгот (в т.ч. доплаты на проезд) борьба вокруг норм была, прежде всего, борьбой в защиту уровня жизни, который все еще оставался далеко ниже довоенного. В то же самое время, требования 17 июня носили отчетливо эгалитарный характер. Уже на митинге восточноберлинских рабочих-строителей перед Домом министерств один из строителей заявил министру Зельбманну, что они хотят не только отмены 10%-ного повышения норм, но и отмены всех норм во всей Германии¹⁸. *Это стало первым указанием на то, что восставшие представляют себе единство Германии несколько иначе, нежели сегодняшнее Объединение работодателей-металлистов Берлина и Бранденбурга. Лозунг «Сдельщина — это смерть!» был чрезвычайно популярен в ходе забастовок и дискуссий на предприятиях и сохранял актуальность со ссылкой на конфликты в Веймарской республике. Критика тейлористской системы норм проявилась и в ненависти к «рабочим директорам» и их «нормировщикам труда», чьего отстранения требовали повсеместно. Они воспринимались как воплощение возвращения старых иерархий на предприятия ГДР¹⁹. Наряду с критикой системы норм, эгалитарный характер движения 17 июня проявился и в широкой критике привилегированных окладов производственной интеллигенции, которую пытались привлечь к участию в «социалистическом строительстве» через индивидуальные договоры, а также в отношении рабочих к высоким окладам партийных и государственных функционеров и сотрудников «Народной полиции». Трудовой коллектив электроплавильного завода Цшорневитц потребовал даже отмены всех окладов, превышавших 1000 марок²⁰. В некоторых каталогах требований, как, например, калийного завода «Дойчланд», можно обнаружить также попытку коллектива добиться влияние на планирование предприятия²¹. Несмотря на отсутствие дальнейших дискуссий и широких общественных дебатов, отчетливо заметна тенденция, указывающая в направлении рабочего самоуправления, по меньшей мере, – в направлении попыток усиления влияния на процессы принятия хозяйственных решений на предприятиях^{22*}. Социально-экономические требования, которые были особенно детально сформулированы в сфере производственных вопросов и еще раз уточнены в ходе*

¹⁸ Rainer Hildebrandt. Der 17. Juni. Zehn Erlebnisgeschichten von Personen in verschiedenen Brennpunkten des Aufstandes, sowie ergänzende dokumentarische Materialien mit 82 Fotos. Berlin, 1983. S. 54.

¹⁹ См.: Angelika Klein. Op.cit. Bd. 1. S. 37. О лишении трудящихся прав в связи с возвращением тейлоризма и связи этого с 17 июня см.: Axel Bust-Bartels. Der Arbeiteraufstand am 17. Juni 1953. Ursachen, Verlauf und gesellschaftspolitische Ziele // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. B25. S. 24-54.

²⁰ Angelika Klein. Op.cit. Bd. 1. S. 29.

²¹ Angelika Klein. Op.cit. Bd. 2. S. 64.

²² Автор исследования об истории пролетарского сопротивления в ГДР Бенно Зарель отмечает, что в движении проявились две тенденции – ориентированная на модель «системы Советов» и «либеральная». «... Заводские стачкомы в городах соединялись вместе. В регионе Биттерфельд – Халле, центре восстания, центральные стачкомы городов установили контакт друг с другом... Биттерфельд обратился к Берлину и потребовал создания временного рабочего правительства. Делегация рабочих-металлистов из Лауххаммера отправляется в Берлин и ожидает обнаружить там национальное руководство восстанием. Рабочие сталелитейных заводов Хеннингсдорфа договариваются с рабочими небольших окрестных предприятий, совершают 15-километровый марш в Восточный Берлин, и один из их ораторов требует «правительства рабочих-металлистов». Несомненно, трудовая тенденция, которая была наиболее сильно выражена 17 июня, привела бы к смене господствующей системы правительством Советов... Но 17 июня проявились и другие тенденции, которые можно назвать либеральными. Отвечая на различные интересы в движении, они выражали одновременно необходимость придать социальному восстанию национальный характер, выдвинуть лозунги, которые могла бы принять вся нация, за ис-

второй забастовочной волны в июле 1953 г., постоянно включали положения о реорганизации общественных структур власти на предприятиях и, как следствие, всего режима в ГДР:

1) Партия и / или ее чиновная структура должна исчезнуть с предприятий и отказаться от своего контроля над экономикой;

2) Профсоюз должен быть освобожден от контроля партии и стать боевым органом трудящихся. Выдвигалось также требование выборов нового профсоюзного руководства на предприятиях. Призыв к подлинному и независимому профсоюзу раздавался повсюду, изредка выдвигались требования фабричных советов, но не роспуска СОНП (официальных профсоюзов ГДР, – перевод.).

Хотя в требованиях ставились подобные основополагающие вопросы о социально-экономической структуре власти на предприятии, нигде не было требований о приватизации крупных предприятий! Каталоги требований, которые теперь можно целиком прочитать в архивных документах, позволяют сделать однозначный вывод о том, что 17 июня не было движением за реставрацию крупного капитала и помещичьего землевладения в ГДР^{23*}.

Но восстание рабочего класса ГДР не только не было реставраторским. Оно было еще и антимилитаристским. Борьба против вооружений была одним из центральных требований, а «Масло вместо пушек» – одним из наиболее частых лозунгов. «Нам не нужна Народная армия!» – скандировали демонстранты, которые, как и в 1918 г., не обращали захваченное оружие против врагов, а разрушали его. Юный Бернд Рабель, который, как и Руди Дучке, рос в бранденбургской провинции и пережил 17 июня в Ратенове, наблюдал удивительную картину. Демонстранты несли официальный ГДРовский первомайский плакат. На нем было написано: «Никогда больше СС-Европа – Долой военные приготовления в Западной Германии!»^{24*}.

Что же на самом деле хотели восставшие?

Именно эти последние лозунги ясно демонстрируют, что часто выдвигавшееся требование насчет «свободных выборов во всей Германии» следует понимать иначе, чем поглощение ГДР режимом Аденауэра. Они выражали надежду на выборы, которые покончат с политикой раскола и вооружения обеих частей Германии друг против друга и создадут демилитаризованную Германию. В ней будет и больше масла. Именно о такой единой Германии мечтал восставший рабочий класс. Это были те же представления, которые в ту пору фигурировали в профсоюзных, социал-демократических и социалистических программах рабочего класса в Западной Германии. Единственной политической гарантией осуществления этих представлений казалась СДПГ,

ключением правящих бюрократов» (Benno Sarel. Arbeiter gegen den “Kommunismus”. Zur Geschichte des Proletarischen Widerstandes in der DDR, 1945–1958. 2 Aufl. Berlin, 1991. S.148–149) (примечание перевод.)

²³ Единственной реставрацией, о которой могла идти речь, было стремление к реприватизации колхозов, которые были силой навязаны СЕПГ крестьянам, а также мелкой собственности в городах. Но эти требования тех, чья собственность была ранее конфискована, были уже приняты СЕПГ в рамках политики «нового курса».

²⁴ Bernd Rabehl. Schattenspiele. Mühseliges Erinnern an die Fünfziger Jahre // Fünfziger Jahre. Gießen, 1980. S.118.

которая, будучи рабочей партией, была одновременно и партией национального единства и выступала с критикой раскольнической политики Ульбрихта и Аденауэра в подпольных листовках на Востоке, а из Берлина – в РИАС. Она казалась партией демократического социализма, которая начертала на своих знаменах огосударствление крупной промышленности, но без жестокого попрания прав рабочих, как при режиме Ульбрихта, который она обличала как рабство нового государственного капитализма. СДПГ казалась гарантией немецкого, а не русского социализма. Она не поставила бы под угрозу проведенные в ГДР реформы системы образования и здравоохранения. «Будь у нас СДПГ, все было бы лучше», – передавали агенты «Штази» мнение рабочих сталелитейного завода Бранденбурга после 17 июня²⁵. *17 июня повсюду раздавались требования разрешить СДПГ; некоторые бывшие члены СДПГ в СЕПГ добивались создания социал-демократической платформы. Но среди бастующих были и бывшие члены КПП. В Лейпциге в забастовках на предприятиях участвовала ¾ членов СЕПГ*²⁶.

Требования и политическая культура, которые указывали на удивительную жизнеспособность культуры рабочего движения, несмотря на миновавшую всего 8 лет назад эпоху фашизма, ясно демонстрируют, что в целях 17 июня неразрывно соединялись друг с другом социально-политические, трудовые и общедемократические требования. Рабочий класс ГДР представлял себе «Берлинскую республику», которая была бы альтернативой по отношению к обоим германским государствам, а не (как в 1989/1990) поглощение одного из них другим. Рабочий класс 1990 года имел за плечами 40-летнюю школу диктатуры ГДР и утратил социалистические надежды. В 1953 году все было еще иначе, и с «социализмом» на Востоке и на Западе связывали альтернативу войне и фашизму. «Берлинская республика» 17 июня не была нынешней, нацеленной на социальный демонтаж и новые войны. Она была ее полной противоположностью. Скорее, она была той республикой, которую Курт Шумахер называл «государством демократического социализма», не желая смешивать ее с государственным капитализмом в Восточной Германии. Можно сомневаться, действительно ли для большинства рабочего класса целью 17 июня, как считает Буст-Бартельс, было восстановление тех свобод демократии снизу, которыми они пользовались на предприятиях после 1945 года и которых их лишила СЕПГ после 1948 года. Но радикальная социальная демократия, которая основывалась на социал-демократической, либертарно-социалистической и оппозиционно-коммунистической традиции, по-

²⁵ См.: Armin Mitter, Stefan Wolle. Op.cit.

²⁶ *С авторской оценкой политических требований, выдвинутых рабочими в ходе восстания 17 июня 1953 г., трудно согласиться, равно как и принять такие формулировки как «немецкий» или «русский» социализм. Совершенно очевидно, что рабочие ГДР стремились к объединению страны на социалистической основе, но представляли себе это весьма расплывчато и крайне наивно, через институты парламентской демократии, которые они надеялись соединить с фабричными советами. О том, что делать в случае, если Западная Германия не последует их примеру, они не задумывались. Надежды на СДПГ, если таковые действительно имелись, были совершенно иллюзорными. Тогдашние лидеры СДПГ действительно иногда пытались критиковать режим Советского Союза и Восточной Германии слева, выступали против участия в военных блоках, против милитаризации и т.д. Однако они считались с результатами выборов в ФРГ, в соответствии с которыми у власти находился Аденауэр, и не собирались свергать его революционным путем. К тому же, в аргументации СДПГ сильно звучали националистические нотки: критика Западными державами и СССР за раскол Германии, она апеллировала к национальному чувству (прим. перевод).*

всюду определяла облик 17 июня. И она достойна того, чтобы к ней возвратиться. В наше время, когда СДПГ проводит политику государственного наступления на зарплату и жестокого обнищания в отношении широких слоев трудящегося класса, социалистическим левым необходимо принять это восстание, возникшее против подобной политики партии, прикрывавшейся в названии словечком «социальная».

Единство делает сильным!

Вилли Брандт в книге «Рабочий и нация» вполне точно описывает политический характер 17 июня: «В мощных манифестациях в Восточном Берлине не звучит вопль о присоединении к Бонну. На транспарантах, которыми сопровождалась массовые забастовки, были написаны многие и важные требования. Нигде не было ничего о реприватизации крупных заводов. Они хотят демократизировать, а не реставрировать. Я нигде не слышал и не читал о том, что были демонстранты, которые кричали «Да здравствует Аденауэр»».

Теперь мы знаем из документов, что люди, кричавшие «Да здравствует Аденауэр», все же были. Но не они определяли облик 17 июня. Это были крестьяне. Поэтому справедливость оценки Вилли Брандта сохраняется. Боле того, в документах можно почерпнуть массу подтверждений ее правоты. Хотя люди яростно разрушали пропагандистские учреждения и иконы режима Ульбрихта, Маркс оставался в неприкосновенности. В Галле, где на гигантских пропагандистских картинах были изображены рядом Сталин и Маркс, изображение Сталина было разорвано в клочья, а изображение Маркса никто не тронул. В городе Бранденбурге остался висеть плакат с цитатой Маркса о единой и неделимой Германской республике. Журнал «Шпигель» в своей уже тогда неподражаемой манере сообщал о старой цитадели СДПГ – Магдебурге: «Выдержанные типы в стиле Бебеля смешались с демонстрантами, которые под их руководством на главном вокзале марали проезжавшие межзональные поезда лозунгами в духе СДПГ вроде «Долой Ульбрихта и Аденауэра, мы будем вести переговоры только с Олленхауэром!» . На перронах были развернуты транспаранты, на которых было написано: «Уберите теперь ваше дерьмо в Бонне, а мы уберем наш дом в Панкове!». На мосту у Барлебена бунтари демонстрировали западногерманским дальнобойщикам, направлявшимся домой по автомагистрали Магдебург – Хельмштедт, самодельный плакат, на котором Ульбрихт и Аденауэр изображались на виселице. Под этим красовался текст: «Единство делает сильным!»»^{27*}

[2] Arnulf Baring. Der 17. Juni 1953. 2. Aufl. Stuttgart 1983. Баринг первым внес в академическую дискуссию анализ «рабочего восстания», в противовес многолетнему политическому, публицистическому и научному мейнстриму, говорившему о «национальном народном восстании». Этот научный анализ однако же во многом совпадал с той картиной 17 июня, которая давалась в неплохих анализах за пределами академического цеха.

²⁷ Der Spiegel. 24. Juni 1953. Nr.26. S.7.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Бернд Герке
Уберите ваше дерьмо в Бонне, а мы уберем наш дом в Панкове!
К годовщине рабочего восстания в ГДР 17 июня 1953 г.
2003

Скопировано 12 декабря 2014 года с <http://aitrus.info/node/3046>
Опубликовано: «express, Zeitschrift für sozialistische Betriebs- und
Gewerkschaftsarbeit». 2003. Nr. 8, 9. Перевод: КРАС-М.А.Т.

ru.theanarchistlibrary.org